

СВЕТЛАНА ПЕРВАЯ

**ТЕМ ЯРЧЕ
СВЕТ**

18+

Светлана Первая
Тем ярче свет

«Автор»

2026

Первая С.

Тем ярче свет / С. Первая — «Автор», 2026

В Ир-Лассе не любят чужаков и знают цену деньгам. Здесь камни мостовой помнят прошлые беды, а промозглый ночной туман скрывает дела трущобных банд. Когда магия исчезла из мира, он стал намного опаснее. У Нэр нет ни рода, ни клана. Амулет на груди, чудом сохранивший силу, и меч, оставшийся от человека, заменившего ей отца, - все ее имущество. Она ищет работу, чтобы не умереть с голоду, но здесь ее гонят отовсюду. Как бродяжку. Как нищую. И помощи ждать неоткуда. Если только ей не встретится парень с лучистыми глазами, что раздает пирожки беспризорникам. Нэр не привыкла к доброте, но вдруг она сможет оттаять? Вдруг сумеет поверить, что ее примут без оглядки на прошлое?

© Первая С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Светлана Первая

Тем ярче свет

Пролог

Площадь перед храмом выстыла к ночи. Лето кончалось – это чувствовалось в холодке, что тянул от каменной мостовой, в запахе прелых листьев, долетавшем из маленького сквера, в том, как быстро темнело небо над дальними крышами. Город накрывали сумерки.

Факелы у крыльца ратуши чадили смоляным дымом. В окнах домов на площади свечей никто пока не зажигал, только из полуоткрытых дверей кабака вываливался в переулок косой прямоугольник теплого света. Где-то на задах забрехала собака и тут же умолкла. Тихо поскрипывала на ржавых петлях вывеска оружейной мастерской.

В сквере под старыми липами шевельнулось что-то темное – и не разберешь сразу, человек ли, зверь?.. Тень сдвинулась, дернулась, повернулась неловко и оказалась старухой – простоволосой, в лохмотьях и страшно худой. Она нелепо закружилась на месте, будто ее водила невидимая рука, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. То останавливаясь, то снова вертясь волчком, старуха вскидывала голову к темнеющему небу и что-то без умолку бормотала. Слов было не разобрать – только интонации: то жалобные, то вдруг властные, как у той, кто привык повелевать.

Из кабака в переулок вышли двое. Оба в добротных плащах, какие носят торговцы и купцы средней руки, один – помоложе, с жидкой бородкой, другой седой и грузный. Молодой поежился от вечерней прохлады и запахнулся плотнее, остановившись в пятне света, падавшем из двери. Его спутник оперся на крепкий дорожный посох и достал кисет.

– Ну и ужин, – молодой сплюнул на мостовую. – Похлебка с запашком, а пиво на ослиную мочу похоже.

– Зато дешево, – старый усмехнулся, набивая коротенькую трубку. – Лишнее серебро, Нэд, в харчевнях оставлять не стоит.

Тот хмыкнул и вдруг насторожился, всматриваясь в темноту площади:

– Слушай-ка, что это там?

Старик прищурился и разглядел темную фигуру под липами у ратуши.

– А-а, эта... Да ты ее тоже вчера слышал, помнишь? Все бормочет, сумасшедшая старуха.

– Нищенка? – молодой потерял интерес. – Да уж, мало ли безумных по миру бродит Ночь на дворе, холодно, видать, согреться решила.

Старуха кружилась все быстрее. Лохмотья беспорядочно взлетали, открывая тощие ноги... Потом она замерла, вскинула голову к темному небу и вдруг заговорила четко и громко, нараспев, так, что эхо заметалось между храмом и ратушей:

– Мать без дитя, дитя без матери – кто кого переживет, тот тому и постелет! Поздно ли, рано ли, не бывает вовремя А вернется ли ключ к замку, а вернется ли, да не в те руки!.. Не те, не те, не те!..

Голос у нее оказался неожиданно сильным, чистым, без старческой хрипоты.

– Жуть какая, – Нэд поежился. – Чего она мелет, Ирхад? Бред же?

Старший торговец помолчал, раскуривая свое зелье – огонек на миг осветил его морщинистое лицо под седой шевелюрой, – прислушался.

– Может, и не бред. Не всегда она такой была, да. Давно, лет двадцать назад, когда я еще с отцом сюда товары возил, она иначе выглядела. Была главным городским магом, шелк носила. Парчу. Выходила на площадь не милостыню просить, а исцеление давать.

– Да ну, – не поверил Нэд. – Она? Быть не может!

– И сильная была, – продолжил старик, будто не слыша. – Помню, мы тут на праздник попали. Она огонь зажигала над городом разноцветный, искрами до неба. Со всей округи приходили глядеть.

Нищенка тем временем перестала кружиться и замерла столбом, пристально глядя в одну точку – на запертые двери храма.

– А потом Сила ушла. Из мира ушла, от всех. А у кого ее много было, те того Не выдержали. Кто умер сразу, кто спился, кто рехнулся. Она, видать, из последних.

Голос нищенки вдруг снова разнесся по пустой площади, перекатываясь меж домов:

– Кто воду мутит, тот и хлебнет, а тому ничего не останется!.. Никому не останется, все ветер развеет, все сметет, ветер придет Каждый наперечет теперь, каждому достанется. Ветер ждите!.. ждите!.. Будет ветер Будет... Будет...

– Как бы беды не накликала, – Нэд торопливо сотворил оберегающий знак.

– Не накличет. Она давно свое отколдовала. – Старый купец перехватил поудобнее посох: – Ладно, Нэд, мне на подворье пора, а то завтра чуть свет в дорогу. Рад был встретиться. Домой вернешься, отцу от меня кланяйся. Ох, давно мы с ним не виделись...

– Скажу, – молодой кивнул. – Доброй ночи, Ирхад.

– Доброй.

Они разошлись. Нэд свернул в переулок, а седой торговец зашагал вдоль площади к мосту, чуть прихрамывая и дымя крепко зажатой в зубах трубкой.

Старуха под липами все кружилась. Лохмотья взлетали вокруг тощего тела, и слова ее – снова тихие и невнятные – стелились над остывающей мостовой, смешиваясь с запахом прелых листьев, с дымом факелов и близкой осенью.

Глава 1

Солнце клонилось к закату у меня за спиной, когда я увидела Ир-Ласс.

Стены взбирались на холмы неровными уступами, кое-где над зубцами торчали островерхие крыши, и весь город казался огромным зверем, припавшим к устью реки, прихотливо изогнувшей перед последним прыжком к морю. На левом берегу раскинулись луга с пасущимися коровами и редкими рыбацкими лачугами, по ним скользили длинные тени облаков. Порта – настоящего сердца Ир-Ласса, торговой столицы всех обжитых земель – отсюда не было видно. Зато залив как на ладони – сине-серая гладь до самого горизонта, блики на волнах и россыпь мелких островов под берегом восточного мыса. Кое-где над крышами поднимался дым, ветер доносил запах моря и чего-то странно-знакомого. Шелестел пожелтевшими травы, тревожил вереск. Где-то вдалеке перекликались чайки. Я тряхнула головой, отбросив непонятное наваждение.

Со склона холма дорога сбегала вниз и вливалась в Главные – западные – ворота города. Чем ближе – тем плотней вереница повозок, тележек, пеших И откуда их столько?

Дорога вымотала меня: тело ныло, глаза слипались, а в груди поселилась тупая, привычная тяжесть. За спиной висел тощий мешок с парой рубах да краюхой хлеба – все, что осталось от дома, которого больше нет. Да на поясе – нож, хороший, крепкий, неплохая защита в умелых руках.

Шесть дней. Шесть дней я шла через ничейные земли – полосу глухих буковых лесов, перемежающихся пустошами, между владениями клана Орлаэд и первыми деревеньками под защитой Ир-Лисса. За эти дни пыль Западного тракта въелась в кожу, скрипела на зубах, и каждый шаг отдавался глухой болью в натруженных ступнях. Ночевала я в руинах старых селений, сожженных еще в междоусобицу. Разбойники в этом захолустье до сих пор чувствовали себя вольготней клановых отрядов, так что я спала урывками, просыпаясь от каждого шороха и сжимая меч под плащом.

За месяцы скитаний к такой жизни можно привыкнуть, но от этого не легче. Пустота позади становилась все больше, а впереди Впереди сейчас ждал Ир-Ласс, в котором, может быть, найдется место для такой, как я.

Глубоко вздохнув, я двинулась дальше и влилась в очередь у Главных ворот.

Народу набралось порядочно: крестьяне с телегами, пара жрецов в темных рясах, торговцы и погонщик с вереницей навьюченных мулов. Я встала в хвост, опустила голову, стараясь казаться пониже, и плотно надвинула капюшон. Главное – не привлекать внимания. Лишние расспросы – больше риск, что ворота передо мной захлопнут.

Цель у меня простая – найти жилье, честную работу и за пару месяцев, если повезет, собрать денег на вступительный взнос в Гильдию наемников. Там не спрашивают лишнего, если умеешь держать меч. А я умела. Причем лучше многих. Солад это умение вбивал в меня годами, пока другие девочки учились готовить и прясть. Солад Имя, всплывшее в памяти, резануло болью. От него мне остался только меч. Который я взяла сама, потому что знала: тот, кто заменил мне отца, хотел бы этого.

Сейчас меч остался в тайнике, что я устроила в прибрежных холмах на подходе к городу. Без знака Гильдии никакому одиночке не пройти в город с мечом: с оружием в Ир-Лассе может ходить только стража, знать и наемники из Гильдии. К тому же – я стиснула зубы – у безродных девок таких клинков не бывает.

Очередь двигалась медленно, неспешно – солнце уже почти село, тени стали длинными и густыми. Над трактом, несмотря на сумерки, висел неутихавший людской гомон: кто-то переругивался с соседом, где-то позади расплакался ребенок, откуда-то долетел чей-то хохот, потом затих

Мне было тревожно, как всегда в толпе, и я невольно тронула пальцами амулет под рубахой. Простой серый камушек с дырочкой, подвешенный на потертом кожаном шнурке. Мать сделала его много лет назад и отдала перед самой своей смертью. «Чтобы ты выжила», – сказала она. На ощупь он был почти как обычный камень, но внутри под пальцами иногда пробегала странная дрожь – будто камень жил своей, едва уловимой жизнью. Сейчас, перед городом, я чувствовала это особенно остро. Будто он тоже устал. Порой казалось, есть в его действии и другая сторона – меня редко замечали. Просто проходили мимо, не видя, не окликая, будто меня и нет вовсе. Словно я всегда была немного тенью. И к лучшему. Если ко мне приглядывались, сразу видели, что я чужачка. Ведь у людей, живущих в городах и на клановых землях, не бывает такого слишком узкого лица, таких гладких, тяжелых волос, темных и глубоко посаженных глаз.

Сейчас тепло камня успокаивало.

Народ впереди чуть расступился, и я наконец разглядела стражников. Их было четверо – двое проверяли въезжающих, двое стояли чуть поодаль, лениво поигрывая копьями. Один из проверяющих, коренастый, с красным от выпивки лицом, орал на тощего мужика с пыльным мешком за спиной. Бедняга бледнел, съеживаясь с каждым мигом, и все глубже вжимал голову в острые плечи. Стражник толкнул несчастного в грудь, тот неловко махнул руками, и мешок упал на дорогу, рассыпав какую-то мелочь. Мужик бросился собирать, суетясь и сгибая спину, кто-то захохотал.

– Что там? – спросил кто-то из очереди.

– Да стражу усилили, – ответили ему, – а те и лютуют. Опять на Южном тракте набег был, краденое ищут.

У меня внутри похолодело: значит, будут расспрашивать дотошной обычной. А тут я – на местных не похожа: жилистая, с ножом, который явно лучше обычных крестьянских. И ростом большинству мужиков не уступаю.

Бугай с красным лицом отпустил наконец несчастного крестьянина, лениво повернулся и уставился прямо на меня. Цепкий, хоть и мутный взгляд скользнул по моей одежде – старый плащ, рубаха не первой свежести, штаны, залатанные на коленях, – потом мазнул по лицу, рукам и вдруг задержался на поясе, где виднелась рукоять, обвитая крепкой кожей.

– Эй, ты! – гаркнул он. – Подойди.

Сердце пропустило удар, внутри все сжалось в тугую узел. В голове стало пусто и звонко...

Я подошла, стараясь не выдать волнения.

– Откуда идешь? – стражник упер руки в бока и еще раз оглядел меня с ног до головы. Вблизи от него разило перегаром и луком.

– Из земель Гард-Арден, – ответила я, пытаюсь дышать пореже.

– Гард-Арден? Далековато, – он скривился. – А не врешь?

– Зачем? – я пожала плечами.

Бугай хмыкнул, переглянулся со вторым стражником, тот неопределенно качнул головой. Краснолицый снова уставился на меня, и в его глазах мелькнул нехороший огонек. Я встречала таких – им не нужна причина для злости, им нужно показать власть и силу. А для этого – унижить кого-то другого.

– Открывай мешок! Проверим, что там.

Я развязала мешок. Стражник ковырнул сменную рубаху, потряс флягу, убедился, что она пустая, разворошил сверток с краюхой хлеба и разочарованно сплюнул.

– А нож? Доставай – вдруг он длинней, чем у нас в Ир-Лассе положено.

Я медленно вытащила нож – самый обычный, без украшений, но из хорошей стали. Солад учил, что оружие должно быть в первую очередь надежным, что не красота в нем главное. Стражник взял, повертел в руках, взвесил на ладони.

– Откуда такой у бродяжки?

– От отца достался, – сказала я без выражения.

– От отца, вона как, – протянул стражник. – А может, ты кого зарезала и нож прикарманила?

Он шагнул ближе, нависнув надо мной, от него несло потом и злобой. Я буквально кожей ощущала, как ему хочется сорвать на мне злость на этот длинный и жаркий день, на муторную службу, которую начальство сегодня сделало еще труднее. Ведь я одна – без рода, без защиты. Как раз подхожу для битья Так ему казалось.

Я молчала, глядя стражнику прямо в глаза. Не показывай страха. Никогда не показывай страха. На груди под рубашкой разгорался огонь

И вдруг что-то изменилось.

Краснорожий бугай, уже протянувший руку к моему вороту, замер. Моргнул. Посмотрел на свою руку, будто впервые ее видел.

– Чего застыл? – окликнул второй из-за плеча.

Краснолицый оглянулся на него, потом снова на меня. Он потер лоб ладонью и поморщился. Взгляд его, только что злой и цепкий, вдруг стал рассеянным, будто он забыл, зачем подошел. Стражник посмотрел на меня и не увидел. То есть увидел, конечно, – высокую, тощую девку в плаще, но что-то ускользнуло, исчезло.

– Ты – начал он и запнулся. Повел плечом, оглянулся на напарников, снова на меня. – Давай проходи, чего встала?

И пихнул нож мне в руки.

Меня не надо было просить дважды. Я быстро пристроила нож на пояс, затянула мешок и двинулась к воротам. Ноги не слушались, сердце колотилось где-то в горле. Прошла мимо второго стражника, который смотрел на меня с ленивым недоумением, и нырнула вперед, под арку ворот, в город. И заметила утопленный в кладке свода Глаз истины – старинный артефакт, какие ставили в самых богатых городах и замках для проверки прибывающих. Он был тусклым и мертвым, как сейчас почти все, вышедшее из рук магов. Сила, которая снова может дать им жизнь, покинула мир и, наверное, больше никогда не вернется

– Стой! – крикнули сзади.

Я вздрогнула.

Но окликали не меня – толстая тетка не справилась с молоденькой кобылой, запряженной в телегу, и чуть не влетела в стену со всем скарбом. Краснолицый с азартом, захлеб костерил и дурных баб, и таких же лошадей. Амулет на груди остывал, возвращаясь к обычному, едва заметному теплу. Я пошла дальше, стараясь не оглядываться.

Шла, не разбирая дороги, пока не свернула в первый попавшийся переулок и не прислонилась спиной к стене. Руки тряслись. Я перевела дух и тронула амулет. Он опять стал обычным камушком, едва теплым, без того огненного жара, что чуть не прожег кожу, пока я играла в гляделки со стражником. Кажется, он единственный из магических предметов, который все еще действует. По крайней мере, других, тоже сохранивших Силу, я в последние лет пять не встречала. Все были мертвы.

– Спасибо, мама, – прошептала одними губами.

Вокруг кипела жизнь чужого города, а я стояла в тени и пыталась поверить, что наконец добралась. Что справилась. Снова. А меч Меч подождет. Как только заработаю на вступительный взнос в Гильдию наемников, вернусь к холмам и достану его. И тогда уже никто не посмеет назвать меня безродной приبلудой. Тогда я сама выберу, кем быть.

Я поправила мешок за плечами и окунулась в сумерки Ир-Ласса.

Город встретил меня шумом, дразнящими запахами харчевен и вечерней прохладой. Он был разделен на два круга – один в другом, точно косточка в вишневой мякоти. В самом сердце взбирались по холмам широкие мощеные улицы – к ратуше и храму Граней, которые стояли

по разным концам Главной площади. Дома там были богатые, каменные, кварталы чистые и ухоженные. Не то что в Среднем круге. Его отделяла от Внутреннего крепкая и высокая Первая стена – выше, чем внешняя Вторая стена, окружающая Ир-Ласс и сам порт. В Среднем люд жил попроще, дома строили по большей части из дерева, глины или того и другого сразу. И только у Первой стены встречались такие же чистые кварталы, как и в сердце города.

Я решила держаться ближе ко Второй стене, к воротам, через которые вошла в Ир-Ласс, и в самые богатые, чистенькие районы не лезть. Даже в Среднем круге. Там, пожалуй, и стражи больше, и цены выше.

Первая таверна, куда я сунулась, называлась «Три короны». Вывеска с тремя корявыми шипастыми обручами покачивалась над входом, изнутри доносились голоса, звон посуды и вкусный запах жареного мяса. Я толкнула дверь – тяжелую, дубовую, с фигурной железной ручкой, – шагнула внутрь и сразу поняла, что здесь мне не обрадуются.

Слишком чисто. Пол посыпан свежей соломой, на лучших столах даже светлые скатерти есть, а у стойки трое прилично одетых, зажиточного вида мужчин обсуждают какие-то купеческие дела. Хозяйка – крутобокая, румяная – окинула меня взглядом с головы до ног. Будто на таракана у себя на кухне посмотрела.

– Чего надо?

– Ночлег, – сказала я как можно тверже. – Самый дешевый.

– Мест нет, – отрезала она и отвернулась к купцам.

– Хотя бы угол в конюшне?

Она даже не ответила. Только махнула рукой – мол, проваливай.

Я вышла, дверь со стуком захлопнулась за спиной. Хорошо. Значит, пойдем туда, где таких, как я, хотя бы не шугают с порога.

Город гудел. Осенняя ярмарка – только о ней в толпе и говорили. Купец ждал караван и жаловался другому, что тот задерживается. Торговцы переругивались, костеря друг друга на чем свет стоит, деля будущие места в торговых рядах. Кумушки судачили, что в порту сегодня разгружали три огромных корабля с товарами из Айриссена, что через пару недель здесь будет настоящее столпотворение, чужаков – не продохнуть А уж зевак, воров и шлюх точно прибавится, только успевай следить за кошельками да мужьями!

Ха! А я еще удивлялась, что на воротах такая очередь Суета в городе для меня означала одно: найти жилье будет еще сложнее, чем я думала.

Вторую таверну я присмотрела в переулке, ведущем к порту. Вывеска над ней болталась попроще – облупившаяся рыбина с глупой мордой. «Веселый угорь», да уж. Народу здесь было не в пример больше, чем в «Трех коронах». За грубо сколоченными столами сидели мастеровые, грузчики, пара возчиков и, кажется, даже купец средней руки. И сразу было понятно, за чем они сюда набились – над всем царил запах кислого пива. Хозяин – тощий, лысоватый мужик с бегающими глазками – вытирал кружку грязной тряпкой и разглядывал меня, пока я подходила к стойке. Внимательнее, чем хозяйка первой харчевни, но ничуть не добрее.

– Деньги есть? Оплата вперед. Время такое, сама понимаешь.

– Есть. Если в цене сойдемся.

Он хмыкнул.

– Ты откуда вообще? Что-то морда у тебя не похожа на привычные.

Я улыбнулась одними губами, стараясь казаться поприветливей. Ночевать на улице не хотелось страшно.

– Издалека я. С севера. Подмастерьем в Кадаре была, а теперь тут думаю устроиться.

Мужик наморщил острый нос и как-то резко поскучнел.

– А знаешь что? Нету у меня мест. Все занято. Вон, видишь, – он махнул рукой в сторону зала, – людей сколько? Иди давай отсюда.

– Мне хоть лежанку где-нибудь.

– Сказано ж – нету. Иди дальше ищи.

Он отвернулся, бормоча что-то о клановых и о том, что ему проблем не надо. Я развернулась и вышла, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони.

В какой-то момент я перестала считать отказы. На одном постоялом дворе меня даже на порог не пустили, в другом – вытолкали взащей и захлопнули дверь перед носом. В таверне «Тихий причал» пьяный хозяин попытался облапать, и я едва не сломала ему руку, прежде чем успела вспомнить, что сейчас не на тракте, а в городе, где за такое по головке точно не поглядят. Еще в одном почти притоне – тощая, злая старуха долго рассматривала меня через щелочку в двери, а потом прошамкала:

– У нас для таких, как ты, местов нету. Проваливай, пока я стражу не позвала.

Улицы Ир-Ласса пустели. Кое-какой народ еще сновал туда-сюда в густеющих сумерках – припозднившиеся подмастерья с инструментом, бабы с корзинами, какие-то расфуфыренные типы, явно приезжие. Чувствовалось, что город набит битком, каждый угол занят, каждая лежанка продана. И я здесь чужая – без денег, без роду-племени. И кажется, без ночлега.

Еще один постоялый двор я нашла в западном районе порта. Почти у самой внешней стены. Здесь, в путанице узких улиц и грязных переулков вокруг маленькой площади, ютились дома бедняков и совсем лачуги-развалюхи. Воняло тухлой рыбой и еще чем-то кислым. Таверна называлась просто – «Якорь». Дверь едва держалась на кожаных петлях, внутри чадили дешевые светильники, еле-еле разгоняя предосенние сумерки.

Хозяйка оказалась грузной бабой с толстыми руками и лицом, изъеденным оспой. Она даже не дала мне рта раскрыть.

– Ночевать негде, – рявкнула, едва я переступила порог. – Нету мест. И не будет. Иди отсюда, не мешай.

– Я заплачу, – сказала я.

– Чем заплатишь? Ты посмотри на себя – оборванка, поди, из клановых беглая. Не нужны мне такие. Вали, сказала.

– Хватит, – прошипела я сквозь зубы.

Меня накрыло злостью – я не беглая. Я не сбежала, а ушла. Свободно. И у меня есть право быть здесь, есть право на ночлег, на работу, на жизнь, в конце концов. Но кто меня будет слушать?

Хозяйка уставилась на меня в упор.

– Ты чего сказала?

Я выдохнула. Медленно.

– Ничего. Уже ухожу.

Выйдя в стремительно остывающий после дневного зноя вечер, я долго стояла, прислонившись спиной к стене, и глядя, как зажигаются редкие огни в окнах. Хозяева некоторых домов выставляли на подоконник свечи, чтобы хоть немного разогнать темноту на городских улицах. Но таких было мало. Усталость навалилась на меня так, что ноги подкашивались. Шесть дней в пустошах, а теперь еще это – ходить по тавернам, выслушивать отказы, терпя презрительные взгляды. Я сползла по наколоченным доскам и села прямо на землю. В груди поселился холод.

Дальше я искать не стала. Какой смысл? Денег у меня не прибавится, другой шкуры – почище и покрасивее – тоже негде взять. А ночевать где-то надо. Я встала и побрела вниз по улице, туда, где за домами угадывалась то ли речушка, то ли канал. Может, не крыша, так хоть мост над головой будет – все лучше, чем на обочине и чуть ли не в канаве.

Мост там и правда стоял. Старый, каменный, в три широких арки – как раз хватило улице перепрыгнуть через небольшую речку. Внизу слышался тихий плеск, пахло тиной и сыростью. На этом берегу под аркой кто-то уже сидел – на фоне воды проступали два темных силуэта. Отсюда не поймешь – честные бродяги, местные пьянчуги или кто похуже. Так что я решила

попытать счастья на другой стороне. Спотыкаясь на выбоинах мостовой, перешла на другой берег и спустилась к реке.

Под мостом кто-то пошевелился.

Я пригляделась – тени, кучи отбросов, пара тощих собак. И человек. Один, сидит у самой воды и раскачивается тихонько – взад-вперед, взад-вперед Как маятник. Грязные седые лохмы колыхнутся, закрывая лицо.

Устраиваться рядом не хотелось, но сил искать другое место уже не было. Я прошла под арку, нашла сухой пяточок у стены, где не дуло, скинула мешок и села, сжавшись в комок под плащом. Рука сама легла на нож.

Спать. Просто спать. Не думать ни о чем.

Холод пробирался под плащ, под рубаху, к самому телу. Лето еще не кончилось, да, но ночи уже стылые. Осень на пороге. Это особенно остро чувствуется, если тебе негде преклонить голову.

– Пу-у-усто – вдруг раздалось из темноты.

Я вздрогнула: голос был тихий, скрипучий, будто неживой. И, кажется, женский.

– Пусто, – повторила бродяжка, тихонько шлепнув рукой по воде. – Нету больше, нету... давно нету... но вернется, ох вернется...

Она раскачивалась и бормотала, ни на что не обращая внимания, путалась в словах, замолкала и начинала снова. Я отвернулась, пытаюсь не слушать, но голос проникал в голову, вязкий, как смола. Повезло же ночевать рядом с сумасшедшей

Я и прежде видела таких – они бродят, потерянные, и говорят с духами. Кто поразумней, просит милостыню, кто совсем обезумел, роется в отбросах и ест, что найдет. Но почти все безобидны: если сумасшедший на людей с кулаками кидается, он долго не живет

– Чуешь? – вдруг внятно спросила безумица, и я поняла, что она смотрит прямо на меня. Или не на меня, а сквозь – в ту темноту, откуда мы пришли и куда уйдем. – Ты чуешь? В тебе есть... было... остыло... но ветер вернется...

Поежившись, я промолчала. Лучше таким не отвечать, тогда скорее уймутся.

– Вернется ветер, развеет золу а кому достанется? Никому все пусто Время идет вспять, время идет вбок, время забывает имена

Голос стелился над сумрачной водой, смешиваясь с плеском мелких волн. Я посмотрела на нищенку и вдруг ощутила, как внутри все холодеет. Не от страха – от чего-то другого. Будто я знала ее когда-то, будто слышала уже эти слова

– Скоро, – шепнула она и спугнула странное чувство. – Скоро все изменится. А ты... ты Семь ветров, семь дорог, семь печалей

Бродяжка замолчала и снова уставилась на воду. Одна из собак подошла и прижалась к ее коленям. Женщина погладила узкую голову.

Я сидела, глядя на черные силуэты домов за рекой, и думала о том, что сказала эта женщина. «В тебе есть». Что во мне есть? Что она увидела, почувствовала?.. Потом хмыкнула: нашла, кого слушать – безумицу! В голове у нее гуляет тот ветер, о котором она бормочет. Надо уснуть. Я закрыла глаза.

Холод пробирал до костей, живот сводило от голода, все тело ныло. В кармане – горсть медяков, на которые даже угол в конюшне не хотят сдать. В мешке – краюха хлеба, которую хорошо бы растянуть на весь завтрашний день. И город переполнен, я тут лишняя. И не только я.

Старуха снова что-то забормотала, потом стала что-то напевать без слов.

А ведь я могу закончить так же. Если не найду работу и не соберу на взнос в Гильдию, если не смогу законно взять в руки меч Закончу здесь. Под мостом. С бездомными собаками, в лохмотьях, буду подбирать объедки и бормотать какую-нибудь чушь.

Я стиснула зубы и зажмурилась.

Нет. Не дождутся.

Я сделаю все, что потребуется. Зубами выгрызу свой шанс выжить и жить свободно, а не продаваться какому-нибудь скоту за гроши. Я хочу обрести наконец достойную жизнь. Простую, надежную. Пойду в порт, буду грузить ящики, таскать тюки, драться за каждый медяк, если надо. Наймусь конюшни чистить, пусть даже за еду. Пойду на любую работу, какую дадут. А если не дадут Ну что ж. Я умею и другое. И в темных переулках тоже не растеряюсь. Только бы не закончить, как сумасшедшая бродяжка.

Мысль о разбое меня не пугала. За время скитаний – и давних, и сейчас, в последние месяцы – мне пришлось делать всякое. Не только убивать, защищаясь, но и красть еду, и уходить от погони. Солад хорошо научил меня выживать. Но он же учил и другому: «Выбирай не ту дорогу, что легче, а ту, на которой останешься человеком». Легкая дорога – это перерезать горло купцу и забрать его кошель. Легкая дорога – это забыть про милосердие и честь и украсть последние монеты у бедной вдовы с выводком детей. И если я пойду по такой дороге, то чем буду отличаться от тех, кого убивала? От разбойников с большой дороги, от убийц, от насильников? У меня оставалось единственное, что я пока не готова терять – чистая совесть. Свет, который откроет мне Последнюю дверь, если этот клятый мир победит меня.

Но где брать деньги? Как жить? Как, побери Череп, хотя бы на время найти крышу над головой?..

Вода шуршала галькой где-то совсем рядом, ветер задувал под мост, а в голове все крутились слова: «В тебе есть... в тебе» Далеко – кажется, у порта – прокричал ночной сторож, отмеряя второй час после полуночи. Я закрыла глаза и наконец провалилась в беспокойный сон, в котором все равно продолжала слышать навязчивое бормотание сумасшедшей.

Зной Липкий, тяжелый. Деревня плавилась в нем уже две недели. На листьях лопухов у плетней лежала серая пыль, а вода в близнем озере стала точно мутный, нагретый кисель.

Я сидела на корточках у крыльца в мокрой от пота короткой рубашонке и чертила прутиком по земле. Наш с матерью дом стоял на отшибе – последний в деревне и первый у озера. Там, на берегу, сегодня было шумно.

– Нэра!.. Нэрка! Выходи, колдунькино отродье! – голос резанул по ушам.

Я даже головы не подняла. И без того знала – это Рыжий Брок, старший среди деревенских мальчишек.

– Тебя мамка не учила, что со старшими надо здороваться? – Брок подошел ближе к плетню и пнул его. – Или она теперь только в дому сидеть умеет да в пустые стены смотреть?

Они стояли на дороге – Брок, его вечно хмурая и сопливая сестра Вита, тощий Лок, еще двое мелких. Рыжий упер руки в бока, глядя на меня с той особенной наглостью, которую дает безнаказанность.

– Чего тебе? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

– Наша мамка сказала, что ваша порода всю деревню подвела, – выдала Вита, кривя губы. – Раньше она урожай защищала, а теперь мы все своими горбами пашем. И никакой управы на засуху. Пустьшика она стала, вот!

– Моя мать не пустая, – сказала я, сжимая прутик.

– Врешь, – хмыкнул Лок. – Староста давеча баял: была магичка, а стала... – он скобочил рот и старательно выпучил глаза, как будто вглядываясь в пустоту. – Никому не нужная дура. Молчит, бродит не пойми где, на всех смотрит, как на привиденей. Тоже мне, госпожа!.. Была, да вся вышла! Сама как привидень стала!

Я вскочила. Прутик переломился в кулаке. Выбежала к ним на дорогу, пихнула Лока:

– Заткнись!.. Не болтай, чего не знаешь!

Брок надвинулся на меня, оттесняя от своего подпевалы. Рыжий был на голову выше и шире в плечах.

– А то что? Ты нам всыплешь, колдунька? Пальцем ткнешь? – он толкнул меня в грудь, я пошатнулась, но устояла. – Ты ж никакая, как и мать твоя. Чужачка. Батя говорит, она и живет только потому, что тетка Раяна ее жалеет. И тебя жалеют. Как убогих.

Я ждала кулаки. В груди горело горячо и зло, но он прав. Мы всегда были здесь чужими. А теперь – после Опустошения – стали еще и лишними.

– Отстаньте, – голос дрогнул, но я не заплакала, только не перед ними.

– Ну что, пустьшика, – хмыкнул Брок, – покажешь, как колдуют те, у кого Сила ушла. Может, твоя мать горшок заставит яйца снести? А то жрать совсем нечего.

И Лок, и Витка с мелкими расхохотались, а Рыжий смотрел на меня, как на забавную зверушку.

Я развернулась и пошла от них прочь – как можно дальше от деревни, куда-нибудь на край мира. Туда, где можно остаться в одиночестве.

Да, я никогда не чувствовала той Силы, о которой мать по вечерам шептала в полубреду. Для меня магия была просто словом – ветром, который стих, безвозвратно унесенным сквозняками теплом. Я не понимала ее. И не понимала, почему мать часами сидит у окна и смотрит в небо. Не понимала, почему плачет по ночам, думая, что я сплю.

– Нэр-пустышка! – донеслось вслед. – Нэрка-дура!

Я зажала уши ладонями и шла, пока летевшие вслед голоса не стихли. Всхлипывала и злилась на себя за эти всхлипы. Пыльная дорога ложилась под ноги, солнце жгло спину, а ветер сушил слезы и точно окутывал жаркой полынной горечью, пропитавшей мир. И он – огромный, жаркий, равнодушный – будто отталкивал меня.

Взобравшись на холм, откуда озеро виднелось маленькой светлой заплаткой рядом с россыпью жалких домишек, я села в жесткую траву и обняла колени. Здесь было тихо. Я просто сидела и смотрела, как плывут еле видные, невесомые облака по выгоревшему небу. Они не дадут дождя. Они пусты

Мир молчал. Он тоже был пуст. Сила – дыхание магии, тепло и свет, согревающие душу, могущество жизни, которого маги когда-то могли касаться и творить чудеса – ушла из него три года назад. Исчезла. И никто не знал почему.

Мать говорила, что у меня есть дар. Что я прирожденная магичка, как она, как другие нашего племени.

– Однажды Сила вернется, Иньера Она вернется, и ты обретешь то, что прекрасней рассвета, и могущественней, чем горный зверь, что сходит в ущельях после весенних ливней. Она откликнется тебе.

Но я не верила. Если бы во мне было что-то стоящее, разве деревенские смели бы так со мной? С нами?

Я уткнулась лицом в колени и зажмурилась.

Нет никакой Силы. Только это лето, эта пыль, эта боль... И никому в мире под этим выжженным небом нет до меня дела.

Я одна... И, наверное, так будет всегда.

Серый утренний свет сочился под мост, подсвечивая мутную воду, когда я проснулась. Нищенка исчезла, и собаки вместе с ней. Смутный сон, вернувший меня в детство, помог понять, почему она показалась мне такой знакомой. Ее бессвязная речь напомнила мне мать... Какой она стала перед самой смертью.

Я отогнала неприятные воспоминания и села, растирая затекшие плечи, потом проверила, на месте ли пожитки. Вчера я так устала, что могла и не услышать, как полезли бы к мешку. Но все обошлось, на мою тощую котомку никто не позарился.

– Я справлюсь, – сказала вслух. – Я всегда справлялась. Смогу и тут. Где-то в этих каменных стенах есть работа. Есть еда. Есть мой шанс.

Я выбралась из-под моста, оступаясь на скользких от утреннего тумана камнях, и попыталась сориентироваться.

Утро выглядело неприветливо: сырость и туман, ползущие с реки, отбросы, сваленные на отмелях и глубокие выбоины на мостовой. Ночью я забрела в самый захолустный район Ир-Ласса – у северо-западного участка Внешней стены, рядом с портом. Оттуда сейчас долетали крики грузчиков и лязг цепей. Над окрестными крышами поднимался дым – в домах и харчевнях начинали готовить завтрак.

Я постояла на мосту, глядя, как внизу плывет какой-то мусор. Есть хотелось зверски. Отломил кусок от вчерашней краюхи, пожевала, запила водой из фляги. Еды считай не осталось. Денег едва хватит на один обед... Пожалуй, сначала пойду в порт. Все равно рядом, так что стоит проверить, есть ли спрос на рабочие руки. Может, удастся заработать на приличный ужин.

В порту уже кипела жизнь. У низких деревянных причалов рыбаки набивали бочки и тачки ночным уловом, рядом с ними оглушительно гомонили чайки и пахло рыбой, солью и потом. Дальше набережная расширялась, становилась выше, и от нее устремлялись в залив длинные каменные языки причалов для больших и очень больших кораблей. По другую сторону тянулись склады и пакгаузы – одноэтажные, сложенные из крупных блоков серого камня, с узкими окнами под самой крышей. У ворот одного суетились люди – таскали тюки, ящики, бочки. Шум стоял невообразимый. И пахло чем-то чужим и пряным – наверное, выгружали айриссенские товары.

Я постояла, наблюдая. Крепкие, потные мужики, в закатанных по колено штанах, кто в рубахе, кто без – перекликались хриплыми голосами, споро разгружая недавно причалившее судно. Грузчики, наверное, нужны всегда. Надо спросить. Я двинулась вдоль набережной, прикидывая, к кому подойти, и вдруг заметила впереди какое-то шевеление.

У входа в проулок между складами собралась кучка беспризорников – чумазых, оборванных, похожих на воробьиную стаю. Они крутились вокруг парня лет двадцати, а тот сидел на корточках перед самым мелким и тощим. Оборвыш ревел в три ручья и размазывал по лицу соплю пополам с кровью. Видать, кто постарше врезал. Парень – светловолосый, широкоплечий, в добротной, но простой одежде – утирал пацану нос своим платком и совал ему что-то вкусное. Кажется, пирожок. И горячий Пах он одуряюще, и я невольно сглотнула слюну.

– На, поешь, легче станет, – донеслось до меня. – Ну чего ты, не плачь, все пройдет...

Беспризорники крутились рядом, но не просто так. Один из них, шустрый, лет десяти, уже тянул руку ко вполне увесистому кошельку, который болтался у парня на поясе.

Я бесшумно двинулась, быстро подошла со спины, ухватила вора за шкирку и рванула вверх. Он заверещал, засучил ногами, выронив срезанный кошель на булыжник. Остальные брызнули в стороны – только пятки засверкали! – и скрылись в переулках. Раззява-утешитель обернулся и вскочил, так и не отпустив руку мальчишки с разбитым носом. А тот смотрел на меня круглыми глазами, забыв про уже надкусанный пирожок.

– Пусти! Пусти, ведьма! – визжал пойманный пацан, извиваясь в моей руке.

Я встряхнула его разок-другой, чтоб угомонился, подняла упавший кошель и громко сказала, вроде бы ни к кому не обращаясь:

– Потерял.

Светловолосый посмотрел так, будто я с неба свалилась. В карих глазах мелькнуло удивление, а потом засветилась благодарность. Взгляд был открытый, теплый, и от этого мне стало неуютно.

– Спасибо, – он взял кошель, повертел в руках и вдруг улыбнулся, широко и светло. – Я даже не заметил.

– А стоило бы, – буркнула я, все еще держа пацана. – Что с этим делать?

Парень посмотрел на моего пленника. Воришка затих, только носом шмыгал и смотрел исподлобья.

– Отпусти его, – сказал парень мягко. – Он просто голодный.

– Он вор, – отрезала я. – Голодные крадут еду, а не деньги.

– Они все голодные, – парень кивнул в сторону переулков, где скрылась шайка. – Я их знаю, у причалов кормятся чем придется. Этот вот, – он показал на мальчишку рядом с собой, – сирота. Мать умерла с месяц назад, а больше у него никого и не было.

Я ослабила хватку, воришка вывернулся и, не оглядываясь, рванул вдоль складов.

– Зря ты его решил отпустил, – заметила я. – Завтра опять кого-нибудь обчистит.

– Может быть, – парень пожал плечами. – А может, запомнит, что кто-то его пожалел.

Я Линтар. А тебя как звать?

– Скорее, запомнит раззяву, – сделав вид, что не услышала вопроса, я развернулась уходить. – Береги кошель

Парень отпустил руку оборвыша и шагнул следом.

– Подожди. Ты давно здесь, в городе? Не похоже, что местная. Издалека?

Я представила, как выгляжу со стороны после недель дороги да еще и ночевки под мостом – плащ в пыли и грязи, волосы темными сосульками висят вдоль впалых щек. Вот уж точно, щучья морда.

– Не твое дело.

– Не мое, – легко согласился он. – Но ты мне помогла, и я хотел бы отблагодарить тебя чем-то. Может, поешь с нами? Тут неподалеку харчевня, там хорошо кормят. Я мальчика подкормлю, а ты перекусишь перед долгим днем.

Я покачала головой:

– Не надо мне ничего. У меня дела.

– Дела с утра в порту? – он улыбнулся снова. – Наверное, работу ищешь? Соглашайся на завтрак, расскажешь – может быть, я помогу.

От его доброты мне становилось как-то не по себе.

– Мне идти надо, – буркнула я и повернулась, чтобы наконец уйти.

– погоди! – он схватил меня за рукав, но тут же отпустил, будто обжегся. – Прости. Я просто... Если ищешь, где остановиться, спроси на постоялом дворе у Южных ворот. Скажи, от Линтара, сына Лорена. Моего отца там знают и тебя не прогонят. Там хозяйка добрая, тетушка Тяна, она...

– Я поняла, – перебила я. – Спасибо.

И ушла. Быстро, почти бегом, только бы не чувствовать его взгляд на спине.

Свернула в первый попавшийся переулок и только там перевела дух. А потом разозлилась на себя – да с чего это я так дергаюсь? Парень как парень, помог и помог. Что такого? Конечно, он какой-то Слишком добрый, что ли. Слишком светлый. Наверное, я так привыкла к равнодушию и злобе, что доброта стала меня пугать. От нее нестерпимо хотелось сбежать и провалиться сквозь землю

Наконец я взяла себя в руки. Рекомендация – это хорошо, конечно, она лишней не будет. Но сначала попробую сама. Не хочу пользоваться чужой жалостью.

И я отправилась дальше.

День тянулся бесконечно. Я снова заходила в таверны и постоялые дворы – сначала в северном районе порта, потом побрела по улицам, что вели к Внешней стене, и постепенно подходила все ближе к Южным воротам. Спрашивала и про ночлег, и про работу – и везде сыпались отказы. В паре мест мне посочувствовали, но все равно не пустили. А чаще хозяева просто хлопали дверью, даже не слушая.

Между тем жизнь в Ир-Лассе кипела. Чувствовалось, что осенняя ярмарка совсем близко: сновали повозки, торговцы зазывали покупателей, ремесленники стучали молотками, мальчишки-посыльные носились, точно оглашенные. На одной маленькой площади в Среднем городе я наткнулась на шумную стихийную торговлю: ряды наспех сколоченных лотков с тканями, глиняной посудой и дешевыми украшениями, а над всем этим – крики, смех, ругань, запах жареного лука и свежего хлеба. Тут я покрутилась, поспрашивала, не нужны ли носильщики – разгрузить телегу, донести покупки клиентам из тех, кто с достатком. Но торговцы только фыркали.

Один сжалился и объяснил:

– Ты бы отмылась сначала, работница! То ли нищая, то ли беглая – покупателей распугаешь, а не приведи Великий Исток, стража пойдет, так еще объясняйся с ней из-за тебя.

Пришлось уйти.

Я дважды перекусила. Около полудня набрела на колодец и, присев на бортик, доела хлеб. Потом напилась и умылась. Свежая, холодная вода немного взбодрила. А ближе к вечеру купила себе горячую лепешку у разносчика – потратила последние медяки, но есть хотелось невыносимо. Жевала на ходу, разглядывая вывески. Кузница, кожевенная мастерская, пекарня, скобяная лавка. Я рискнула заглянуть в кожевенную – работа грязная, тяжелая, часто рабочих рук не хватает. Но не повезло: эта мастерская оказалась семейным делом, так что у них даже учеников со стороны не было. И работников в дом не всяких допускали. Я прямо почуяла, как хозяйка, глядя на меня, раздумывала, за кем послать – то ли за стражей, то ли за жрецами, чтоб заново дом благословили. Чем-то я ей очень не понравилась.

Пожалуй, шанс найти хоть какую-то работу есть только на рынке. Там не только носильщики нужны, еще разносчики, зазывалы, чистильщики рыбы – работа грязная, копеечная, но на еду хватит. А ночь, если что, поголодаю. Только надо найти место, где можно привести себя в порядок хоть немного. И идти с рассветом.

С этими невеселыми мыслями я и побрела дальше.

Несколько раз видела стройки – в Ир-Лассе всюду что-то перестраивали, латали, чинили, несмотря на подготовку к празднику урожая. А может, как раз из-за него.

В одном месте у Внешней стены собралась целая артель. Здесь разбирали старый деревянный участок укрепления и возводили новый – каменный. Мужики ворочали бревна, таскали камни, в ямах месили известь. Я задержалась, глядя, как тяжелые блоки укладывают в ряд, заливая щели раствором. Работа трудная, но платить должны хорошо.

В Среднем круге заново мостили главную дорогу, что вела к сердцу города – булыжник подвозили на скрипящих тачках, складывали в горки. Я подумала, что могла бы попробовать тут наняться – таскать-то камни умею не хуже мужиков.

Но сначала хорошо бы все-таки найти угол. Без крыши над головой искать хорошую работу бессмысленно – кто возьмет бродяжку, которая ночует под мостом? Тут на рынке бы подработать взяли.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к закату и колокол на ратуше отзвонил положенное, я стояла перед последним постоялым двором почти у самых Южных ворот. Назывался он какой-то «...приют». Вывеска была старенькая, краска на ней облупилась, так что первое слово не читалось. Район здесь оказался тише и приличнее, чем тот, где я ночевала, хоть от богатых кварталов Среднего круга так же далеко. Дверь была приоткрыта, изнутри доносился запах щей и чей-то негромкий говор.

Я вошла.

Внутри небогато, но чисто. В общей зале несколько постояльцев поглощали ужин, особо не на что не отвлекаясь. Некоторые вели тихие разговоры. За стойкой раскладывала по тарелкам еду пожилая женщина с добрым, усталым лицом и седыми волосами, убранными под пла-

ток. Рядом с ней крутились двое чумазных внуков – мальчик и девочка лет десяти или чуть старше. Она подняла голову и окинула меня быстрым взглядом.

– Чего тебе, дочка? – спросила устало.

– Ночлег ищу, – выдохнула я, готовясь к очередному отказу. – Самый дешевый.

Я замолчала, но потом, пересилив себя, все-таки добавила:

– Меня Линтар знает. Сын торговца Лорена.

– Линтар? – переспросила она и вдруг улыбнулась, светло и тепло, совсем как тот парень утром. – Добрый мальчик, весь в отца.

– Он сказал, тут можно переночевать, – пробормотала я, чувствуя, как горит лицо. – А я помочь вам могу еще

– Хорошо, что сразу сказала. Мест, милая, правда, нету – время такое, сама понимаешь. Но... – она оглянулась на проем у себя за спиной, ведущий куда-то вглубь дома. – Есть у меня каморка при кухне. Маленькая, правда, и душновато. Но если не побрезгуешь – добро пожаловать. Денег...

Я, наверное, изменилась в лице, потому что хозяйка таверны запнулась и вгляделась в меня пристальнее.

– Денег, – продолжила она через миг, – много не попрошу. Ежели помогать будешь – посуду там помыть, дров наколоть, воды наносить из колодца – и вовсе сочтемся просто так. Руки у тебя крепкие, вижу.

Я стояла и смотрела на нее, не в силах поверить, что можно больше никуда не идти. Хотя бы сегодня. Почему-то вдруг защипало в глазах. Я с силой провела ладонью по лицу, будто смахивая паутину, и хрипло сказала:

– Я согласна. Спасибо.

– Вот и славно, – женщина вытерла руки о фартук и вышла из-за стойки. – Проходи, милая. Тяной меня звать. Все тетушкой Тяной кличут... А это вот, – она кивнула на внуков, – Койра и Дарр.

Мелкие дичились, но любопытство брало свое – из-за стойки то и дело высывались растрепанные головы, а потом снова скрывались, и оттуда долетали перешептывания.

– Идем, – Тяна легко коснулась моего плеча, – покажу, где можно устроиться. И ужином накормлю. Уж вижу, что ты страсть какая голодная.

Я пошла за ней, впервые за долгое время почувствовав, как отпускает тяжесть, сидевшая в груди все эти дни, и отступает холод.

– Спасибо, – сказала еще раз. Тихо, почти неслышно.

Тяна обернулась на ходу и улыбнулась опять:

– Не за что, дочка. Дурному человеку Линтар помогать не стал бы. Он сам добрый и других таких, со светом в душе, видит сразу. Хоть порой вроде и не скажешь такого о человеке, пока не узнаешь. А Линтар вот знает откуда-то...

Под мягкий говор тетушки мне вдруг как-то легко поверилось в то, что светловолосый парень с теплом в глазах, наверное, и правда ни разу в жизни никому не желал злого. И от этого стало странно тесно в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.